

Глава 15

— Из-за тебя я остался без единой сухой рубашки. Мне что, вот так и шататься по улицам глубокой ночью? — Цун Ле смотрел на него с нескрываемым недоверием.

— Ты же в машине сидел. Пусть Лян Чао отвезёт тебя домой. — Юнь Цзи не понимал, зачем тот вообще увязался следом за ним.

— Так они уже уехали. — Цун Ле, не останавливаясь, прошёл мимо и первым скрылся в подъезде.

Дождь только что прошёл, на улице стояла промозглая сырость.

У Юнь Цзи не было сил препираться с ним из-за такой мелочи — он молча встал рядом, ожидая лифт.

Двери открылись, и оба вошли внутрь.

Из маленькой колонки сбоку лилась мелодия «К Элизе», заполняя тесное пространство целиком.

Цун Ле машинально взглянул на отражение Юнь Цзи в зеркальных дверях.

Тот стоял с закрытыми глазами, прислонившись к стенке кабины; свет ламп подчеркнул тени под глазами, сделав их ещё заметнее.

Но во всём его облике читалась лишь обычная усталость и измождённость — ни следа того, что фортепианная мелодия хоть сколько-то его тронула.

«Дзинь» — звук открывшихся дверей заставил Цун Ле вздрогнуть.

Он тихо кашлянул и вышел следом за Юнь Цзи.

— Заходи, — голос Юнь Цзи звучал немного хрипло. — У входа новые одноразовые тапочки.

Цун Ле долго молча стоял на месте, потом поднял взгляд.

— А где мои тапочки?

Он не помнил, какими были те тапочки. Но помнил, что при первом приглашении Юнь Цзи

говорил о паре, заказанной специально для них двоих — парной.

А на ногах у Юнь Цзи сейчас красовались новенькие тапочки из тонкой овчины, и с первого взгляда было ясно: с белыми одноразовыми хлопковыми они парой быть не могут.

— Пару дней назад приходили из управляющей компании, собирали старую одежду. Отдал, — Юнь Цзи, не оборачиваясь, направился в спальню. — Если хочешь принять душ, новые полотенца в шкафу.

Договорив, он так и не обернулся — было очевидно, что до Цун Ле ему нет никакого дела.

Цун Ле только успел нахмуриться, как уловил в воздухе слабый запах китайских трав.

Кисловато-горький, с лёгкой примесью древесной свежести, согретый теплом комнаты, он неожиданно успокаивал.

— Это врач тебе прописал? — Цун Ле дошёл следом до дверей спальни и смотрел, как Юнь Цзи переодевается в пижаму.

— Нет, — Юнь Цзи наклонился, снимая брюки. — Юнь Шу достал.

В тот день в больнице он думал, что сумел обмануть Юнь Шу.

Но в тот же вечер, ещё не вернувшись с музыкального фестиваля, Юнь Шу уже успел выяснить, в какой больнице тот лежал и какие обследования проходил — всё до мелочей.

Потом силком потащил его к старому лекарю китайской медицины, притащил домой добрый десяток килограммов трав и велел заваривать и пить после каждого приёма пищи.

Юнь Цзи попросту не мог ему возразить.

Слова Юнь Шу звучали так: «Если на следующем осмотре тебе не станет лучше ни на каплю, я немедленно съеду из общежития и буду присматривать за тобой сам. Всё равно, хожу я на эти пары или нет — результат один, круглые пятёрки».

Юнь Цзи знал: когда доходит до крайностей, брат вполне способен так и поступить.

— Китайская медицина? — в голосе Цун Ле звучало явное недоверие. — И что, она вообще лечит? Что ж ты тогда пьёшь эти отвары, а сегодня всё равно еле живой?

Юнь Цзи даже не взглянул на него.

— Душ будешь принимать? Если нет — одолжу тебе что-нибудь из одежды, и иди домой пораньше. — он расстёгивал пуговицы рубашки одну за другой, и узкая бледная талия то и дело мелькала из-под края ткани.

Свет из гостиной падал в полумрак спальни, обрисовывая за его спиной тонкий силуэт, отбрасывая причудливую, неровную тень, полную странной нежности.

Цун Ле смотрел на этот колышущийся силуэт и забыл сказать заготовленную фразу — «твоя одежда мне всё равно не налезет» — вместо этого развернулся и молча пошёл в ванную.

Гель для душа пах привычным для Юнь Цзи молоком.

Раньше Цун Ле никак не мог понять, зачем взрослому мужчине пользоваться средством с таким запахом.

Теперь этот стойкий аромат окутывал его, а в голове крутилась одна и та же картина — покачивающийся стан, мелькающий то у стены, то на полу.

Будто закатный свет, проходя сквозь гранёное стекло бокала, множился и рассеивался, становясь густым, тягучим, янтарным.

Внешняя привлекательность — то, чему Цун Ле всегда придавал меньше всего значения.

Слишком поверхностно, слишком просто.

Он видел немало людей, одержимых красотой, и знал, чего стоит их любовь.

Чем самозабвеннее казалась такая «искренность» в начале, тем безразличнее становилась в конце — как нечто само собой разумеющееся.

Цун Ле до сих пор помнил, как мать, взяв его, едва пошедшего в первый класс, полдня тряслась с ним в автобусах — в награду за первое место в учёбе обещала купить мороженое.

Тогда маленький Цун Ле никак не мог понять, зачем ради обычного молочного эскимо тащиться в такую даль, в роскошный торговый квартал в центре города.

Пока не спрятался за колонной в торговом центре и не увидел, как мать, вцепившись в какого-то смутно знакомого мужчину, разрыдалась навзрыд.

Мужчина был высоким, на руках он держал маленькую девочку, которая ещё сосала пальчик.

Даже тогда, совсем ещё маленький, Цун Ле сумел разглядеть: одежда на этой девочке стоила дороже всего, что он видел в своей жизни.

Мать, указывая в сторону Цун Ле, что-то взволнованно говорила.

Но мужчина лишь прикрывал собой маленькую дочку, оставаясь безучастным.

После недолгого противостояния к мужчине подошла красивая женщина на высоких каблуках и, указывая на мать, гневно потребовала объяснений.

Женщина была молода, одета изысканно и роскошно — на её фоне мать в пожелтевшей белой блузке выглядела измождённой и жалкой.

Растаявший крем капал на руку Цун Ле — холодный и липкий.

Он увидел, как высокий мужчина без всякой жалости ударил мать по лицу.

Тогда он бросился вперёд, как волчонок, и что было сил вцепился зубами ему в ногу.

Мать и девочка обе плакали, а маленький Цун Ле услышал, как мужчина сказал: «...дай мне объяснить, я не видел её с самой нашей помолвки, понятия не имею, откуда взялся этот выродок!»

Позже, повзрослев, Цун Ле наконец вспомнил, откуда ему знаком тот мужчина.

Потому что однажды под маминой подушкой он нашёл фотографию, где они вдвоём обнимались.

И потому что каждый день видел в зеркале черты, до жути похожие на лицо того мужчины.

Каждый раз, вспоминая, как Юнь Цзи, касаясь пальцами его надбровной дуги, хвалил его красивые глаза, Цун Ле испытывал лишь искреннее отвращение.

Но сегодня вечером он вдруг поймал себя на мысли о том, как Юнь Цзи смотрел на него.

Он помнил, как тот всегда придвигался слишком близко, полуопустив веки, глядя на него снизу вверх.

Тёмные зрачки с лёгким янтарным отблеском, безупречно вписанные в фарфорово-голубые белки.

Прямой, честный взгляд — и вместе с тем невыразимая нежность, тающая истома.

То ли приподнятые уголки глаз, то ли слегка вьющиеся длинные ресницы — в воспоминаниях они щекотали что-то глубоко внутри.

Цун Ле нахмурился и убавил температуру воды ещё сильнее, раз за разом окатывая холодными струями собственную грудь.

Он с силой мотнул головой, пытаясь вытряхнуть из головы этот дразнящий, тревожащий взгляд, но вместо этого вдруг вспомнил Юнь Цзи, каким видел его сегодня вечером у сцены.

Тогда все взгляды в зале были прикованы к нему — кроме взгляда Юнь Цзи.

Тот, прикрыв губы длинными пальцами, что-то говорил стоящей рядом Фу Цин.

Дробный свет бара скользнул по его лицу, отразившись прозрачной ясностью в глазах — ни капли восторга, ни намёка на упоение.

Тогда Цун Ле, стоя на сцене, на миг ощутил укол обиды: он ведь даже не смотрит на меня.

В тот момент рукава рубашки Юнь Цзи были аккуратно закатаны до локтей, обнажая бледные предплечья.

Он скрестил руки на груди, и на запястье виднелись незнакомые Цун Ле часы на тёмном узком ремешке.

Ремешок свободно, в два оборота, обвивал его запястье — казалось, потяни — и он развяжется, точно верёвка, готовая стянуть эти тонкие худые кисти воедино.

Цун Ле признавал.

В этом смысле они с Юнь Цзи прекрасно понимали друг друга.

Цун Ле помнил.

Как в уголках глаз Юнь Цзи блестели непролитые слёзы.

Он снова и снова убавлял температуру воды, пока из крана не полилась почти ледяная струя.

— Твою мать! — Цун Ле со всей силы ударил кулаком по стене.

Кое-как вытеревшись полотенцем, он ещё немного посидел в ванной, прежде чем найти просторный халат и накинуть его на плечи.

Он вышел, всё ещё дрожа от холода, и обнаружил, что свет во всей квартире погашен.

В спальне Юнь Цзи не раздавалось ни звука — тишина стояла такая, будто там никого не было.

В этой крошечной темноте в груди Цун Ле снова поднялась знакомая паника.

Горечь, точно лиана, вгрызающаяся в любую щель, поползла по нервам, охватывая всё тело.

Он тут же бросился к комнате Юнь Цзи, освещая себе путь тусклым светом фонарика телефона.

Чем ближе он подходил, тем торопливее становился шаг, и под конец он почти бежал.

Увидев на кровати очертания человеческой фигуры, Цун Ле немного успокоился.

Он присел у кровати и, разглядев в слабом свете знакомое лицо, почувствовал, как сердце наконец начинает биться спокойнее.

Цун Ле осторожно коснулся пальцев Юнь Цзи и медленно, протяжно выдохнул.

На следующий день Юнь Цзи проснулся довольно рано.

Нужно было пораньше поставить отвар, чтобы выпить его сразу после завтрака.

Готовить у него не было сил, а еда из закусочных не подходила его желудку, так что почти каждый приём пищи Юнь Цзи обходился полуфабрикатами.

В конце концов, невкусная еда что так, что эдак остаётся невкусной — уж лучше выбрать то, что проще.

Едва он залил лапшу быстрого приготовления кипятком, как из ванной донёсся шум.

Он нахмурился и обернулся — Цун Ле как раз вышел, вытирая полотенцем волосы.

На миг он растерялся.

— Ты что здесь делаешь?

Не дожидаясь ответа, он вдруг вспомнил обрывки вчерашнего вечера перед тем, как провалился в сон.

— Ты что, всю ночь у меня в ванной проторчал?

— Я вчера тут спал, — Цун Ле покосился на лапшу на столе, повысив голос. — Мы что, на завтрак будем есть вот это?

Первое удивление прошло, и Юнь Цзи быстро сделался равнодушным.

— А кто сказал, что буду тебя этим кормить? Это мой завтрак.

— Это твой завтрак, а мне тогда что есть? — преимущество профессии певца сказалось в полной мере: голос у Цун Ле был громким и звучным.

— А мне какое до этого дело? Что хочешь, то и ешь, — во взгляде Юнь Цзи читалось откровенное «ты в своём уме?».

Цун Ле почти не мог в это поверить.

— У тебя же с желудком плохо. И ты по утрам ешь лапшу быстрого приготовления?

— Да, ем лапшу. Тебе-то что до этого? — бесцеремонно парировал Юнь Цзи.

Цун Ле сверлил его взглядом, потом стиснул зубы.

— Тогда я тоже буду есть лапшу.

— Ешь на здоровье, супермаркет прямо у подъезда, — Юнь Цзи указал ему прямой путь.

Цун Ле подавил вспышку гнева.

— Это твоя лапша. Мне что, нельзя её съесть?

— Об этом лучше спроси полицию — можно ли просто так брать чужие вещи, — Юнь Цзи,

прикинув, что время почти подошло, медленно снял крышку с лапши.

Аромат бульона тонкоцу мгновенно заполнил всю комнату.

— Тогда я заплачу тебе, куплю у тебя эту лапшу, идёт? — процедил сквозь зубы Цун Ле.

— Нет, — Юнь Цзи подцепил вилкой клубок лапши и неторопливо отправил в рот.

Цун Ле отодвинул стул и сел напротив, буравя его пылающим от злости взглядом.

Юнь Цзи вёл себя так, будто того вовсе не существовало — невозмутимо доел лапшу, процедил готовый отвар в чашку и оставил остывать.

Отвар стоял на столе, и вскоре запах лапши в комнате вытеснила горечь трав.

Юнь Цзи прошёлся по комнатам, распахивая окна проветрить, убрал оставшийся бульон и посуду от лапши.

Вернувшись, он увидел, что Цун Ле всё так же сидит за столом с недовольным видом, и невольно рассмеялся.

— Цун Ле, ты же вроде в последнее время ешь музыку? Что ты тогда торчишь у меня дома?

Цун Ле почесал шею сбоку, потом потёр тыльную сторону ладони.

— У меня сегодня нет работы.

— О, у тебя сегодня нет работы. То есть у нас с тобой сегодня тоже нет совместной работы. Тогда не мог бы ты покинуть мой дом? — с завидной выдержкой Юнь Цзи указал на дверь.

— Юнь Цзи, как ты вообще ко мне сейчас относишься? — Цун Ле наконец не выдержал. — Если у тебя есть какие-то мысли на этот счёт, так и скажи прямо!

Юнь Цзи как раз собирался спросить, разве он до сих пор был недостаточно прямолинеен, но вдруг заметил, что Цун Ле снова почёсывает тыльную сторону руки.

Он присмотрелся внимательнее — шея и руки Цун Ле покраснели, на глазах вспухая мелкими красными пятнами.

— Что ты натворил? — он резко схватил Цун Ле за руку и увидел, что та густо покрыта

мелкими волдырями — явная аллергия.

Похоже, сам Цун Ле только сейчас заметил, что творится с его рукой, но не придал этому значения — лишь раздражённо выдернул руку.

— Не лезь.

Юнь Цзи от злости не находил слов, и тут его взгляд упал на чашку с отваром на столе.

На стенках чашки виднелось кольцо полужасохших потёков — заметно выше уровня оставшейся жидкости.

— Ты это выпил? — Юнь Цзи указал на чашку, глядя на Цун Ле так, будто отказывался верить своим глазам.

Цун Ле сердито отвернулся.

— Я с тобой разговариваю! — Юнь Цзи с силой хлопнул ладонью по столу.

Цун Ле вздрогнул вместе с чашкой на столе, но голос его прозвучал упрямо:

— Ну попробовал немного, всего глоток!

<http://bllate.org/book/20092/1990921>